

РОЛЬ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В ПРЕПОДАВАНИИ ФИЛОСОФИИ: НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ И РИСКИ СОЧЕТАНИЯ*

А. В. Хлебалин (Новосибирск)

В работе рассматривается проблема интеграции научных исследований в преподавание философии. Указывается, что состояние и характеристики различных типов философии определяют возможности решения этой проблемы. В частности, на примере анализа истории решения и нынешнего состояния проблемы истины в аналитической философии подчеркиваются ее преимущества как того типа философии, который может обеспечить решение поставленной задачи.

Ключевые слова: наука, образование, философия, аналитическая философия, проблема истины.

THE ROLE OF SCIENTIFIC RESEARCH IN TEACHING PHILOSOPHY: UNCERTAINTY AND THE RISKS OF THEIR COMBINATION

A. V. Khlebalin (Novosibirsk)

The problem of integration of scientific research into teaching philosophy is considered. It is specified that the condition and characteristics of various types of philosophy define possibilities of solution of this problem. In particular, on the example of analysis of the history of solution and the present state of the truth problem in analytic philosophy, there are emphasized its advantages as that type of philosophy which can provide solution of the considered problem.

Key words: science, education, philosophy, analytic philosophy, the truth problem.

Интеграция фундаментальной науки и образования, какие бы организационные формы она ни принимала, всякий раз должна учитывать специфику дисциплин, интеграция которых с научными исследованиями имеется в виду. В этой связи, институциональные решения по обеспечению формальных условий возможности слияния изучения дисциплины, с одной стороны, и передовых научных исследований в работе вуза, научного центра и пр., с другой стороны, обеспечивают только необходимые условия достижения указанной цели, но не могут решить некоторые содержательные проблемы, возникающие в рамках непосредствен-

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0978.

© Хлебалин А. В., 2013

Хлебалин Александр Валерьевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН; доцент кафедры логики и методологии науки философского факультета, Новосибирский государственный университет.

E-mail: sasha_khl@mail.ru

ной реализации интеграционных процессов. Такие содержательные проблемы обусловлены, прежде всего, спецификой самой дисциплины. Философия, сам научный статус которой до сих пор является предметом нескончаемых дискуссий – от знаменитого лозунга У. Куайна «я не вижу, чем хорошая философия отличается от хорошей науки» до фактической «анафемы» по отношению к сциентистским претензиям аналитической философии, провозглашаемой в постмодернистской среде, – требует, на наш взгляд, учета специфики философского знания при решении вопроса об интеграции исследования и преподавания дисциплины.

Не желая утверждать, что в случае «позитивного научного знания», представленного, например, математикой или физикой, вопрос об интеграции научного исследования и преподавания решается чуть ли не «автоматически», посмеем утверждать, что, в случае философии, процесс этот осложняется. Если применительно к физике или математике вопроса о прогрессе этих дисциплин фактически не ставится – можно спорить о шкале измерения этого прогресса, об оценке его влияния на состояние дисциплины, например, о неминуемо возникающей, в связи с развитием дисциплины, фрагментации и специализации знания, – то вопрос о прогрессивном характере развития философии не менее дискуссионен, чем вопрос о ее научном статусе. Обыденное понимание философских проблем как «вечных», не имеющих критерия решения является неким культурным воплощением сомнений в отношении прогрессивного характера развития философии. В этой связи задача интеграции преподавания дисциплины и современных исследований кажется не более чем попыткой дополнить по сути своей схоластические попытки решить нерешаемые вопросы современными упражнениями в «праздном размышлении». Не претендуя решать вопрос о критерии прогрессивности развития философии, укажем лишь на то, что хотя бы в одном ее направлении – в аналитической традиции – несомненными являются ее следующие черты: прежде всего, философские проблемы приобретают точность формулировки; наконец, благодаря повышению точности и строгости формулировок мы обретаем если не критерий окончательного решения проблемы, то, по крайней мере, критерий того, что явно не годится в качестве даже возможного варианта решения. Указанные черты являются неоспоримыми характеристиками аналитической философии. На наш взгляд, эти характеристики состояния проблем аналитической философии являются следствиями ее сциентистской ориентации, постоянной связи с проблемами фундаментального научного знания. В связи с интересующей нас интеграцией преподавания дисциплины и передовых исследований, наукообразность аналитической философии оборачивается тем, что в ней весьма четко прослеживается то, что Р. Рорти назвал «каноном» – перечень классических формулировок проблем и предложенных решений. Мы не утверждаем, что в других направлениях современной философии отсутствует канон, однако он менее четок, более спорен и играет меньшую роль в организации преподавания и проведении исследований. Так, С. Крипке говорит фактически об этой черте аналитической философии следующее: «В аналитической философии, современной англо-саксонской философии, «Об обозначении» Рас-

села, безусловно, наиболее знаменитая работа первой половины XX в. «Две догмы эмпиризма» Куайна, вне всякого сомнения, является наиболее знаменитой работой второй половины века. Я ограничиваюсь только аналитической философией. На самом деле я не знаю (может быть, кто-нибудь может мне сказать), существуют ли знаменитые статьи, в противоположность книгам, написанным в континентальной философии. Я слышал об известных книгах, но не слышал о знаменитых статьях» [1, р. 225]. Это замечание С. Крипке не случайно: именно в небольших работах даются образцы постановки и решения задач, которые признаются каноническими. На наш взгляд, наличие таких работ и позволяет признать аналитическую философию намного более структурированной и организованной, чем континентальная. Наличие ярко выраженного канона в аналитической традиции, на наш взгляд, вводит своеобразную «ось координат», на которой и могут быть расположены как изучение дисциплины, так и исследования изучаемых проблем. Канон обеспечивает организацию и соизмеримость изучения и исследования в аналитической философии. Не желая принижать своеобразие и значимость континентальной традиции, укажем лишь на то, что наличие большого числа «самодостаточных» философских систем с присущим исключительно им словарем, со слабой либо вообще отсутствующей связью с научными дисциплинами, делает весьма проблематичным нахождение какого-либо основания для интеграции изучения дисциплины с исследованиями в ее рамках. Любая попытка такой интеграции рискует оказаться просто произвольным механическим соединением, лишенным всякого организационного начала.

Иллюстрацией указанной специфики организации исследования проблем в аналитической философии, разительно отличающей ее от континентальной традиции, является, например, интерпретация результата А. Тарского. Официальная титулатура теории истины А. Тарского, включающая в себя характеристику «семантическая», казалось бы, полностью лишает смысла заголовок. В самом деле, если еще при жизни создателя теории последняя была провозглашена семантической и под именем таковой известна более полувека, а выражения «семантическая теория истины» и «теория истины Тарского» употребляются как синонимы, то ставить вопрос о том, а так ли это, по меньшей мере, граничит либо с бессмысленностью, либо с пренебрежением общим мнением. Тем не менее, вопрос о самобытности теории А. Тарского, открывающей новые перспективы исследования понятия истины, или вопрос об оправданности ее толкования, как, по сути, формулировки традиционной корреспондентной теории, до сих пор обсуждается в литературе. Несложно понять, что сама оценка значимости полученных Тарским результатов отчасти зависит и от общей интерпретации его теории.

Любая теория истины призвана ответить на вопрос о том, чем отличаются истинные предложения от ложных. Точнее, пояснить ту метафору, согласно которой истинные предложения являются таковыми в силу своего соответствия описываемой ими реальности. Стремясь объяснить природу этого соответствия, теория истины смешивает два различных вопроса: вопрос о том, какие утверждения мы считаем истинными (пробле-

ма критерия истинности), и вопрос о том, что такое истина (проблема определения истины). Несмотря на то, что вопросы эти легко могут быть различены, они непосредственно обуславливают решения друг друга в случае любой целостной теории истины. Поэтому требованием к удовлетворительной теории истины не могут быть только ответы на эти два вопроса. Среди многообразных перечней требований к удовлетворительной теории истины особенно обширным является список Я. Хинтикки:

– Определение истины должно применяться к языку L , который является упорядоченной формой нашего естественного языка. По крайней мере, L должен быть достаточно сильным для выражения в нем всей математики.

– Определение истины должно быть полным в смысле, что оно применимо к синтаксическому описанию каждого правильно построенного предложения S языка L , давая положительный ответ всегда и только в том случае, если S истинно.

– Определение истины должно быть сформулировано в самом L , а не в каком-либо метаязыке с более сильной и, следовательно, более проблематичной семантикой.

– Определение должно непосредственно говорить нам, что значит для предложения быть истинным, а не только определять некоторое абстрактное отношение соответствия между предложением и фактом «вне него». В идеале, определение должно быть кодификацией способов, которыми мы действительно верифицируем и фальсифицируем предложения. Несколько иными словами, условия истинности, следующие из определения истинности, должны быть информативны.

– Определение должно быть независимым от частной модели M , в которой оно применяется. Оно должно сопоставлять, с помощью независимого от M метода, каждому предложению L другое предложение, которое выражает его условия истинности [2, с. 1–2].

Безусловно, этот перечень требований слишком строг и, по общему признанию, никакая из ныне известных теорий истины не может претендовать на безукоризненное выполнение указанных требований. Тем не менее, наиболее близко приблизившейся к удовлетворению этого перечня является теория А. Тарского. Она, являясь наиболее влиятельным результатом, полученным в XX в. для решения проблемы истины, может служить общим показателем соответствия современного состояния решения проблемы истины указанным критериям. Среди безусловных достоинств теории Тарского, отделяющих ее от всех своих предшественниц, можно указать следующие:

– Теория А. Тарского является формальной, то есть математической (или квазиматематической) теорией.

– Она предлагает подробное, точное и строгое определение истины.

– В теории А. Тарского избегается серьезная угроза для всех теорий истины – семантические парадоксы, в частности, дано решение парадокса Лжеца.

– Теория А. Тарского делает серьезный вклад в развитие современной логики и научной методологии.

– Теория А. Тарского дистанцируется от традиционных философских споров.

– Она поднимает спектр новых философских вопросов и предлагает новые подходы к их решениям [3, p. 145].

Несмотря на то, что перечень достоинств теории истины А. Тарского даже перекрывает количество требований Я. Хинтикки к адекватной теории истины, и несмотря на то, что содержательно они зачастую расходятся, необходимо пристальнее взглянуть на указанные особенности семантической теории истины. Всеобщее признание указанных достоинств семантической теории истины заглушило редкие голоса ставящих под сомнение важность полученного А. Тарским результата. Например, Хао Ван приводит слова А. Тьюринга о семантической теории истины, произнесенные в беседе с Р. Ганди в 1952 г., когда результат А. Тарского уже прочно вошел в перечень бесспорных побед аналитического метода над традиционными проблемами философии: «Нет большей тривиальности» [4, p. 144]. Сам Хао Ван также весьма критично отзывается о результате А. Тарского: «ясно, что Тарский не мог дать что-то, подобное окончательной общей формулировке того, что необходимо» [4, p. 144]. Хао Ван указывает на то, что Тарский ограничил себя только работой с конкретными примерами использования понятия истины и при этом запутался в основных моментах. И продолжает далее: «Также можно оспорить то, что, когда кто-то нуждается в определении истины для какой-либо специальной цели, оно может быть создано. В самом деле, когда мне нужно было такое определение в 1948–1949 гг., я был разочарован результатом попытки использовать работу Тарского в качестве основы. Я должен был начать фактически с пустого места для того, чтобы получить точную формулировку, представленную мной в 1952 г. Что касается важности ограничительного результата Тарского, Карнап также получил подобные результаты (см. § 34 его «Logical Syntax» и примечания к его «Gültigkeitskriterium» на с. 336)» [4, p. 144].

Появление теории А. Тарского сразу же было воспринято как очередная блестящая демонстрация плодотворности использования методов символической логики при решении традиционных философских проблем. А. Тарский впервые вывел проблему истины из числа традиционных проблем гносеологии и первым предоставил способ ее решения, не подразумевающий обращения к более общим, и считавшимся тесно связанным с проблемой истины, вопросам о познаваемости мира и природе познания. Вместе с тем, теория содержит решение традиционного «камня преткновения» в теории истины – парадокса Лжеца. Иными словами, все те достоинства, которые перечислила Г. Шер, были сразу же отмечены в теории истины А. Тарского. Всеми этими достоинствами семантическая теория истины обязана единственно верному способу решения философских проблем, которому Тарский изначально следовал. Сам он так определяет свою стратегию: «Вопрос определения того или иного понятия не поставлен надлежащим образом до тех пор, пока не установлен список терминов, при помощи которых стремятся требуемое определение построить; если при этом определение должно отвечать своей подлинной задаче, то смысл терминов, охватываемых этим списком, не

должен возбуждать ни малейших подозрений» [5, с. 20]. Именно такая стратегия вместе с исключительно корректным выбором терминов, используемых в ходе определения понятия истины, позволили А. Тарскому добиться бесспорного результата в решении традиционной философской проблемы, причем этот результат, в отличие от классических вариантов решения проблемы, не вызывал никаких возражений и был свободен от каких-либо метафизических следствий, которые, как правило, оказываются слишком высокой ценой за решение исходной проблемы.

Тарский представляет свою семантическую теорию в качестве общего метода определения истины для целого ряда языков. Несмотря на то, что теория строится на основе одного языка, ее автор полагает возможным распространить используемый метод на целую группу формализованных языков. Применительно к семантической теории, понимаемой именно как метод построения корректного определения истины для данного языка, принято различать три разные цели, преследуемые Тарским в ходе ее создания. Прежде всего, это философская цель, которую сам автор теории явно признает главенствующей; она заключается в создании «содержательно верного и формально безукоризненного» определения термина «истинное высказывание». Во-вторых, методологическая цель, также весьма важная для Тарского, заключается, прежде всего, в развитии метаматематики. Наконец, логическая цель, результатом достижения которой явились семантическое определение понятия логического следования, получившее дальнейшее развитие в теории моделей. Нас сейчас интересует только философская цель семантической теории истины.

Семантическая теория истины, как утверждает ее создатель, направлена на решение проблемы, которая является классической философской проблемой: «В данной работе меня интересует исключительно осознание тех интуиций, которые заложены в так называемом «классическом» понимании истинности, то есть в такого рода понимании, согласно которому «истинное – это всего лишь согласующееся с действительностью» [5, с. 20]. Несмотря на привычность и понятность использования слова «истина» в обыденном языке, все предшествующие попытки дать эксплицитное определение этому понятию оказывались совершенно бесплодными, а рассуждения, включающие понятие истинны, трактуемое как соответствие реальности, будучи основаны на совершенно очевидных посылах, часто заканчивались обнаружением парадоксов и антиномий. Именно эта очевидность и интуитивная ясность понятия истины, использование которого порождает любимые логиками кошмары парадокса, требует прояснения самого понятия и исправления правил оперирования с ним, которые намерена предложить семантическая теория истины. В этой связи А. Тарский различает в стоящей перед ним задаче две компоненты: содержательную, которая состоит в том, чтобы уловить точное содержание понятия соответствия, и формальную, состоящую в подчинении использования понятия истины строгим стандартам логической согласованности и правильности определения. Нельзя сказать, что обе компоненты исходной задачи одинаково важны для автора семантической теории. Он явно отдает предпочтение второй из них:

«Решая формальную задачу, А. Тарский предлагает глубокий и всесторонний анализ семантических парадоксов и действенное предложение по предотвращению их появления, но, решая содержательную задачу, он не предлагает глубокого анализа ни для понятия истины как соответствия реальности, ни для порождаемых таким пониманием философских проблем» [6, р. 150]. Тарский заявляет, что любой носитель обыденного языка в той или иной степени знаком с понятием истины, легко в случае необходимости найдет подробные его разъяснения в многочисленных сочинениях по теории познания. Таким образом, для него решение философской проблемы истины сводится к определению формально точных и корректных правил употребления понятия истины, применение которых гарантировало бы от появления в процессе использования понятия известных парадоксов. О каком-либо содержательном анализе понятия истины, таким образом, речи вовсе не идет, следовательно, содержательная компонента проблемы сводится к решению сугубо формальной задачи.

Фактическое сведение философской проблемы к решению формальной задачи, предпринятое Тарским, действительно, позволяет ему избежать бесконечной вереницы традиционных философских споров из области гносеологии, в рамках которой строились классические подходы к решению проблемы истины. Более того, «философски нейтральная» теория истины, какой видится последователям Тарского семантическая теория, в силу указанного обстоятельства может быть также, в свою очередь, «философски нейтрально» оценена: не основываясь в своем решении поставленной проблемы на каких-либо гносеологических или метафизических основаниях, семантическая теория свободна от возможной критики с какой-либо метафизической позиции. Иными словами, она может быть оценена и обоснована не в перспективе великих метафизических споров, а, как любая формальная теория, исключительно своим соответствием требованиям логики, свободной от каких-либо метафизических уз и обладающей предельной степенью необходимости. Вместо метафизически тягостных философских понятий, через которые классические теории претендовали решить проблему истины – понятие соответствия реальности возглавляет этот перечень, – семантическая теория использует сугубо техническое понятие раскавычивания. Это понятие, являясь самой сутью теории истины А. Тарского, выводит семантическую теорию из традиционных метафизических джунглей в пустынную область логики.

В теории А. Тарского истина трактуется как предикат, применяемый к предложениям. Несмотря на все многообразие возможностей использования термина «истинный», единственным правильным способом его употребления является тот, в котором речь идет о предложении: бессмысленно говорить об истинной дружбе, истинном познании – в строгом смысле истинными могут быть только предложения. При этом, если мы хотим что-то сказать о предложении, нам необходимо присвоить ему имя, ведь – используя везде далее классический пример Тарского – совершенно невозможным будет, например, такое предложение, как «Снег бел истинно», в отношении которого невозможно указать, что именно в нем

является субъектом, которому предцируется истина. Истина является предикатом, обозначающим определенное свойство предложений, в силу которого их и называют истинными. Для Тарского природа этого свойства, обладание которым приписывается предложению, когда его характеризуют как истинное, заключена в наиболее естественной трактовке понятия истины: «Я имею в виду здесь определение такого рода, которое в первом приближении удалось бы передать следующими словами: *истинное высказывание* – это такое высказывание, которое выражает то, что дела обстоят так-то и так-то, и дела именно так и обстоят» [5, с. 22; курсив автора]. Но такое определение совершенно некорректно и неясно. Процедура раскавычивания призвана придать указанной трактовке понятия истины должную формальную корректность и содержательную ясность.

Формально корректное выражение истинности как свойства предложения требует предварительного именованного того предложения, которому приписывается свойство быть истинным. Кавычечные имена являются самым распространенным, но не единственным техническим средством, позволяющим удовлетворить это требование: «Снег бел» истинно. Получившееся предложение представляет собой пример формально корректного использования предиката истинности. Более того, сама процедура раскавычивания – это все, что необходимо нам знать об истинности: для понимания любого предложения формы *P* истинно, где *P* является закавыченным предложением, его нужно просто раскавычить и стереть само слово «истинно». Например, на вопрос, что означает «Снег бел» истинно, ответом окажется: снег бел.

В этой связи совершенно ясным становится заявление У. Куайна о том, что процедура раскавычивания является сущностью истины: «Предикат истины есть приспособление для раскавычивания» [2, с. 27]. Дисквотационная трактовка истины предполагает, что ответ на вопрос о том, что означает приписывание истинности, сам по себе не обязывает нас к каким-либо метафизическим рассуждениям о природе истинности предложения, выходящей за пределы формальной процедуры раскавычивания: понятие истины является философски нейтральным. Оно играет роль своеобразного логического инструмента, позволяющего совершить «семантическое восхождение»: «Мы можем утверждать определенное предложение одним его произнесением, лишенным помощи со стороны закавыченного выражения или предиката истины; но если мы хотим утверждать бесконечную серию предложений, которую мы можем разграничить, только говоря о предложениях, тогда начинают использовать предикат истины. Он нужен нам, чтобы возратить результат объективной референции, когда ради некоторого обобщения мы прибегаем к семантическому восхождению» [2, с. 27]. Процедура раскавычивания полностью выражает свойство предложения быть истинным и не обязывает нас к принятию проблематичных эпистемологических или метафизических следствий.

Теория истины Тарского, как отмечалось выше, трактует истину как предикат некоторого предложения, относящегося к определенному языку *L*, причем, если мы желаем достичь объявленной изначально при из-

ложении теории формальной точности определения истины, L должен быть формализованным языком. В языке L содержится конечный набор примитивных предикатов. Непримитивные предикаты в L строятся на основе примитивных с использованием различных логических средств: квантификация, истинностные функции. Не вдаваясь в анализ технических деталей построения определения истины для частично формализованных языков, укажем, вслед за Х. Патнэмом, три основные идеи семантической теории [7, р. 12].

– «Истина» определяется не для произвольного языка, а для некоторого определенного языка L .

– Примитивное указание определяется перечнем; указание и истина определены индуктивно по логическим связкам, начиная с примитивной референции.

– «Индуктивное» определение, представленное системой предложений, может быть обращено в «эксплицитное определение» логическими средствами.

В итоге мы получаем следующее определение истины для языка L (критерий Т): « P » истинно, если и только если P , в котором на место P подставляется предложение языка L .

Мы видим, что идея истины как раскавычивания полностью реализуется в критерии Т. В то же время, несмотря на то, что процедура раскавычивания является тривиальной, сама теория А.Тарского, очевидно, таковой не является: идея раскавычивания говорит нам о корректности критерия Т, но не говорит, как определить понятие истины для того, чтобы был удовлетворен сам этот критерий. ««Снег бел» истинно эквивалентно *Снег бел*; но какому предложению, *не содержащему понятие истины* (или любого другого «семантического понятия»), эквивалентно следующее предложение: *Если предпосылки в выводе формы p или q , не- p / q , обе истинны в L , заключение также истинно в L ?* Метод Тарского дает нам эквивалент для *этого* предложения и для любого другого, в котором встречается «истинно» с переменными и кванторами, а это то раскавычивание само по себе не делает» [7, р. 13].

Мы отмечали выше, что сам А. Тарский рассматривал свою теорию в качестве формально корректного и содержательно адекватного представления интуитивного понятия истины как соответствия реальности. Тем не менее, сложно усмотреть очевидное соответствие семантической теории корреспондентной интерпретации истины. Более того, вопрос о соотношении теории Тарского с какой-либо традиционной теорией является до сих пор дискуссионным. Принято считать, что выражением идеи соответствия истинного предложения реальности является представленный выше критерий Т. Но сам критерий Тарского оперирует исключительно языковыми сущностями: в нем речь идет о предложениях, именах, переводе предложений, а не об объектах реальности, соответствие которым предполагается корреспондентной теорией.

Большая часть современных философов утверждает, что теория Тарского никак не связана ни с одной из классических теорий истины и, в частности, с корреспондентной. Более того, положительно оценивая результат А. Тарского, они полагают, что в его работе впервые, после идеи

Ф. Рамсея, была ясно изложена трактовка истины как избыточного понятия, и ныне доминирующая на философской сцене дефляционная теория истины именно в теории Тарского находит свое первое подробное выражение. Противники дефляционистской интерпретации семантической теории указывают на нерасторжимую связь результата Тарского с корреспондентной теорией истины. Так, Г. Шер указывает три основания рассматривать теорию Тарского как корреспондентную если не по букве, то по духу:

– А. Тарский полагал свою теорию именно корреспондентной.

– Нет никакого противоречия между тем, чтобы рассматривать критерий Т как исключительно лингвистический, и утверждением о том, что он действительно является корреспондентным по своей сути: «любое утверждение об объектах может быть выражено как утверждение о языке, и факт, что оно выражено таким способом, не делает его не-объектным» [6, р. 154].

– Наконец, корреспондентная природа трактовки понятия истины Тарским показана самим выбором автором понятия выполнимости как центрального понятия метода определения истины.

Аргументами в этом списке являются только два последних пункта, поэтому рассмотрим их более подробно. Г. Шер полагает совершенно очевидным выбор Тарским при формулировке критерия Т именно терминов, указывающих на языковые сущности: стратегия Тарского в отношении понятия корреспонденции как формального условия, выраженного в терминах синтаксического понятия выводимости, означает, что автору иметь дело с этим условием более удобно на синтаксическом уровне, чем на объектном. Но сам выбор способа представления критерия, по мнению Г. Шер, не оказывает никакого влияния на содержание критерия Т: «И все, что говорит критерий в объектных терминах, это то, что адекватное определение истины соответствует истинности предложения, которое выполняет объектное условие. Например, истинность предложения «Некоторое множество индивидов включено в другое» эквивалентна выполнению соответствующего объектного условия, а именно, что некоторое множество включено в другое» [6, р. 154]. В отношении последнего аргумента Г. Шер указывает, что отношение выполнимости – это отношение между объектами и лингвистическими сущностями (формулами данного языка L), а следовательно, является корреспондентным по своей сути понятием.

Согласно Г. Шер, проблематичность усмотрения связи семантической теории Тарского с корреспондентной трактовкой истины обусловлена только способом формулировки поученных результатов. Но при этом остается совершенно непроясненным то, как предложения связаны с реальностью в теории Тарского. Рассматривая этот вопрос, Шер указывает на то, что само собой разумеющимся является трактовать атомистические сущности как корреспондентные, тогда как структурные сущности являются лингвистическими: «условия выполнимости для « \subseteq » объектные, но условия выполнимости для « \sim », « \vee » и « \forall » существенно языковые» [6, р. 154]. Шер указывает, что в теории Тарского и условия

выполнимости для « \subseteq » и « \forall », и их перевод в метаязык даны именно в объектной интерпретации; тем самым достигается существенная связь между условиями выполнимости и объектами реального мира. Шер признает, что такая корреспондентная интерпретация условия выполнимости А. Тарского всецело покоится на вере в объектную природу атомистических сущностей. Но в работе А. Тарского мы нигде не найдем подобных трактовок, связывающих атомистические сущности с объектами, как и интерпретации сохранения корреспондентного соответствия при конструировании лингвистических сущностей. Более того, работа А. Тарского «Понятие истины в языках дедуктивных наук» не содержит обсуждения природы логических констант, и вопрос об объектной или же лингвистической их интерпретации даже не поднимается.

В этой связи следует констатировать, что результат Тарского не может быть однозначно связан с корреспондентной теорией истины. Такая интерпретация семантической теории предполагает определенное решение слишком обширных по своей значимости проблем, – таких, как природа логических констант и их связи с реальностью, – от решения которых напрямую зависит постановка вопроса о природе связи логики и мира. В подобном случае мы обрекаем себя на то, что логико-метафизические следствия корреспондентной интерпретации результата Тарского окажутся во многом более обременительными, чем классические метафизические проблемы корреспондентной теории. Более того, признавая, вслед за Г. Шер, возможность корреспондентной трактовки теории Тарского, мы совершенно необоснованно пользуемся самим корреспондентным понятием «соответствие»: насколько нам известно, оно никогда не было явно сформулированным. Если мы ставим вопрос о том, соответствует ли результат Тарского корреспондентной теории, понимаемой интуитивно, то ответ, на наш взгляд, может быть следующим: сторонники такой интерпретации и ее противники исходят из того, что понятие соответствия является изначально достаточно точным и требуется только его формально корректное представление, и весь спор идет о том, удалось ли это сделать А. Тарскому. Таким образом, ответ на поставленный вопрос, к которому приходят стороны, существенно зависит от имеющихся у них имплицитных допущений в отношении того, на что должна быть похожа формальная экспликация интуитивного понятия и каковы должны быть те критерии полноты и точности требуемой экспликации, дабы удовлетворить эти неопределенные ожидания.

Охарактеризованное обсуждение самого результата А. Тарского, того, соответствует ли он критериям решения проблемы истины, наличие позиций и аргументов в их защиту по поводу перечня критериев решения, явно свидетельствуют в пользу рациональной организованности аналитической традиции и соответствия задачи сочетания преподавания дисциплины с научными исследованиями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Kripke S.** Russell's notion of scope // Kripke S. Philosophical troubles. Collected papers. – Oxford Univ. Press, 2011. – Vol. 1. – P. 225–253.

2. **Куайн У. В. О.** Философия логики / пер. В. А. Суровцева – М. : Канон+, 2008. – 192 с.
3. **Sher G.** Truth, the Liar and Tarski's semantics // A companion to philosophical logic / Ed by D. Jacquette. – Blackwell, 2002. – P. 145–163.
4. **Wang H.** Beyond analytic philosophy. – MIT, 1988. – 273 p.
5. **Тарский А.** Понятие истины в языках дедуктивных наук // Философия и логика Львовско-Варшавской школы. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. – С. 19–177.
6. **Sher G.** What is Tarski's theory of truth? // Topoi. Kluwer Academic Publishers. – 1999. – N 18. – P. 149–166.
7. **Putnam H.** Meaning and the moral sciences. – Routledge & Kegan Paul, 1978. – 144 p.

Принята редакцией: 11.09.2013

УДК 378 + 13 + 001

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ В ОБЩЕСТВЕ ЗНАНИЙ: ВЕКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ*

В. В. Петров, Е. В. Покасова (Новосибирск)

В статье анализируется специфика модернизационных процессов в России. Показано, что в условиях формирования экономики знаний, базирующейся на наукоемких отраслях промышленности, возрастает значение интеграции науки и образования. Обосновано, что тесное взаимодействие научной и образовательной сфер позволит обеспечить высококвалифицированным кадровым потенциалом и интеллектуальным ресурсом процесс перехода страны на инновационный путь развития в условиях модернизации основных сфер жизнедеятельности современного российского общества.

Ключевые слова: общество знания, общество инновационного типа, интеграция науки и образования, модернизация, инновационный путь развития.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре». Направление 2. Модернизация и ее влияние на российское общество. Проект «Инновационный вектор интеграции науки и образования в условиях современной модернизации общества».

© Петров В. В., Покасова Е. В., 2013

Петров Владимир Валерьевич – кандидат философских наук, научный сотрудник сектора социологии науки и образования Института философии и права СО РАН, доцент кафедры гносеологии и истории философии философского факультета, Новосибирский государственный университет.

E-mail: v.v.p@ngs.ru

Покасова Елена Викторовна – кандидат философских наук, ученый секретарь, Институт философии и права СО РАН.

E-mail: pokevi@mail.ru